

открывала сундук, что — то доставала, потом долго шептала, видимо молилась, так я и уснул под материнскую молитву.

Рано утром мы сбегали на речку, а когда вернулись, на лавке стояли два холщевых рюкзака, приготовленных нам в дорогу. Мать шла с нами до самой околицы, держа нас под руки, боялась отпустить до последней минуты перед расставанием. С нами уходило еще 20 мужиков и парней. Провожала вся деревня. Сейчас это стоит перед глазами.

Из оцепенения меня вывел лейтенант: «Товарищ майор! Прощайтесь».

Я опустился на колени перед братом и, как в детстве, уткнулся в его плечо. Потом приподнял, прижимая к себе, мне так не хотелось оставлять его здесь, на чужой земле...

Маминым полотенцем я закрыл ему лицо.

Вот еще одна веточка на нашем деревце сломалась...

В старину на семейных полотенцах, которые передавались из поколения в поколение, стебельчатым швом вышивали незатейливые кустики — деревца. И если кто-то уходил из жизни — веточку на деревце как бы надламывали. По этим полотенцам можно было прочитать историю семьи. Мамино полотенце я храню, потом передам детям. Когда берешь его в руки, оно всегда тёплое, как тогда в сорок первом, принятое из материнских рук».

Так закончил свой рассказ наш любимый учитель.

Прошло с тех пор почти 60 лет, а мы — дети войны — помним его уроки — праздники истории. У многих из нас отцы не вернулись с войны, но мы росли у надежного плеча учителей — фронтовиков.

Пусть памятником ему будет Нива.

Есть на Курской земле деревня Максимовка, где до войны жила наша семья. Хата наша стояла крайней и смотрела окнами в поле. Я видела из окна, как поле меняло краски: то оно было чёрным от вспаханной земли, то зелёным от озимых, то желтым от созревающих хлебов. Видел дорогу, которая убегала куда-то. Мне хотелось убежать по ней далеко — далеко и посмотреть: что там за той полосой, где поле соединяется с небом. Вот настанет лето и я обязательно сбегаю. Но в наступившее лето, лето 1941 года было не до путешествий. Все изменилось. Помню, как по этой дороге, уходящей в даль, мы провожали отца. Мать держала меня за руку и мы бежали, бежали за колонной, где были все наши деревенские мужики и парни. Обес —

силев, прокричав последние слова прощания, все женщины опустились в седую полынь придорожной канавы, чтобы ещё долго смотреть, пока скроется за горизонтом колонна. Потом по этой дороге спешно проходили беженцы...

Вечером громче стала слышна канонада. Почти все жители деревни перебрались в погреба. И помню бой у деревни. Казалось, ему не будет конца, но к вечеру всё стихло. Мы вышли из погреба. Я посмотрел на поле и не узнал его, оно было чёрно — зелено — жёлтым. Мать снова забрала меня в погреб, накормила чем бог послал. Предыдущую ночь мы почти не спали, и сейчас у меня закрывались глаза. Мама погладила меня по голове и сказала: «Ложись спать, а то уже по сорочьи моргаешь». И вдруг замолчала на полуслове, а потом тихо присела рядом и прошептала: «Слышишь?» Мы услышали стон ещё и ещё раз. Мама встала, видимо раздумывая: «Свой или чужой?!» Открыла дверь и вышла. Вернулась, быстро открыла сундук, перенесённый из хаты в погреб, постояла и сказала: «Наш» и снова ушла. Ее долго не было, сквозь сон я услышал как тяжело она спускалась по ступенькам в погреб, постояла и сказала: «Умер, совсем молоденький, сказал, что из Красноярска, а себя назвать не успел, записать надо». Она отыскала в коробке химический карандаш и записала на внутренней крышке сундука, которая была оклеена газетой «Правдой» 1939 года с портретом Сталина «Красноярск»... Мама взяла стоящую в углу лопату и ушла.

Освободили Курскую область. Первую посевную курские поля засеяли семенами, присланными из Башкирии. Перед самой уборкой хлеба, как — то утром мать обняла меня за плечи и сказала: «Считай от березы 20 шагов в поле». Я вошёл в тугие хлебные колосья, отсчитывая 20 шагов, а когда сказал: «Двадцать», — остановился. «Смотри, сынок», — сказала мама — «Здесь похоронен солдат. Запомни, двадцать шагов от нашей березы и обрати внимание, везде в поле колосья созрели, а на его могиле они зелёные». И сколько бы не сеяли хлеб, всегда на могиле солдата колосья остаются зелёными. Маме предлагали перезахоронить солдата, но она не соглашалась, сказав, что пусть памятником ему будет хлеб.

Наш отец не вернулся с войны. Погиб где-то за Вислой. Мать часто выходила на дорогу и всё смотрела, смотрела. Она ждала его до самого своего последнего часа.